

Синельников А.
МГУ им. М. В. Ломоносов
Русија

НЕРАВЕНСТВО И ДИСКРИМИНАЦИЯ ИММИГРАНТОВ И ИХ ДЕТЕЙ И ВНУКОВ В РОССИИ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ (ПО ДАННЫМ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

INEQUALITY AND DISCRIMINATION OF IMMIGRANTS AND THEIR CHILDREN AND
GRANDCHILDREN IN RUSSIA AND WESTERN EUROPE
(ACCORDING TO DATA OF EUROPEAN SOCIAL SURVEY)

ABSTRACT The article is based on Internet free database of international European Social Survey (about many countries including Russian Federation). In Western Europe many of Moslem immigrants live in ghetto. The number of intermarriages is a few. Many of their children and grandchildren feel discrimination not less than first generation of immigrants.

In Russia problems of integration and discrimination exist mostly for the first immigrants' generation. In spite of difficulties of adaptation during the first years after immigration they do not create closed group of population. Most of them create mixed families. As a rule their children are integrated in Russian society and free of discrimination.

Key words: immigrants, integration, discrimination, generation, religion, mixed families.

АННОТАЦИЯ Статья основана на анализе размещенной в сети Интернет открытой и бесплатной базе данных международного Европейского социального исследования, проведенного во многих странах, в том числе и в Российской Федерации. В Западной Европе многие мусульманские иммигранты живут в гетто. Число смешанных браков невелико. Многие из их детей и даже внуков ощущают дискриминацию не меньше, чем первое поколение им-мигрантов. В России проблемы интеграции и дискриминации актуальны в основном лишь для иммигрантов первого поколения. Несмотря на трудности, связанные с адаптацией в течение первых лет после иммиграции они не образуют замкнутые группы населения. Большинство из них создают смешанные семьи. Как правило, их дети интегрируются в российское общество и не подвергаются дискриминации.

Ключевые слова: иммигранты, интеграция, дискриминация, поколения, религия, смешанные семьи.

Люди с либеральными политическими взглядами до сих пор верят в теорию «плавильного котла», согласно которой, иммигранты, и, тем более, их дети и внуки рано или поздно непременно интегрируются в странах, где живут, и сольются с коренным населением. Эта теория основана на опыте иммиграции из одних стран европейской культуры (в том числе из России) в другие страны той же самой культуры, и, в первую очередь, – в США.

Но в наше время в страны европейской культуры прибывают миллионы выходцев из Азии и Африки. Применительно к ним теория плавиль-

ного котла явно не адекватна. На смену ей пришла теория мультикультурализма (в буквальном переводе – множественности разных культур) (Малахов, 2012). Согласно этой теории иммигранты и их потомки могут не ассимилироваться, сохранять этническую идентичность, и при этом мирно сосуществовать с коренным населением в условиях взаимной толерантности и культурного многообразия.

Однако многие из инокультурных иммигрантов отказываются не только ассимилироваться, но и просто интегрироваться в принявшее их общество. Они живут в отдельных кварталах, плохо знают язык страны, сохраняют тот же уклад жизни, что и на прежней родине. Нередко имеют место случаи принуждения дочерей к браку, хотя это законодательно запрещено не только в европейских (Рахимов, 2012), но и в некоторых мусульманских странах (Алиев, 2011). Создаются шариатские суды для разбора тяжб между мусульманами, что вызывает возражения местных властей против параллельной судебной системы, которая руководствуется законами, отличными от правовых норм, действующих в стране (Ремизов, 2012). В Бельгии, Нидерландах, Англии, Франции и других европейских странах, представители коренного населения при первой возможности покидают гетто, созданные иммигрантами.

Для нашей страны не характерны иммигрантские гетто, однако, как, и в Западной Европе в отношениях между коренным и пришлым населением существует напряженность, сопровождаемая эксцессами с обеих сторон. Для изучения этой проблемы большой интерес представляют данные Европейского социального исследования (European Social Survey – ESS). ESS – это академический проект, целью которого является попытка описать и объяснить взаимосвязь между изменениями, которые сегодня происходят в социальных институтах Европы, и установками, верованиями и ценностями, а также поведением различных групп населения. Инфраструктура проекта финансируется Европейским научным фондом, а конкретная реализация обеспечивается научными фондами и институтами в каждой из стран-участниц. Россия приняла участие в исследовании в 2006 г. (3 раунд проекта), в 2008 г. (4 раунд), в 2010 г. (5 раунд) и в 2012 г. – (6 раунд). Общее число анкет в каждой стране за один раунд, как правило, составляет от 1500 до 3000, в том числе в России – 2484 (2012 г.). Анкеты заполнялись методом интервью. Информация об этом исследовании на английском языке есть на сайте: www.europeansocialsurvey.org. На территории Российской Федерации исследование проводилось Институтом сравнительных социальных исследований (www.cessi.ru). С анкетой на русском языке можно познакомиться на сайте www.ess-ru.ru. Координатор проекта от российской стороны – А. В. Андреев. База данных ESS на английском языке есть в открытом доступе на сайте: <http://nesstar.ess.nsd.uib.no/webview> с возможностью построения таблиц в программе SPSS в режиме он-лайн.

Анкета ESS содержит вопросы о том, в какой стране родился сам респондент, а также его отец и мать, сколько лет он живет в стране своего нынешнего пребывания и т.д. В анкете есть вопросы и о том, следует ли допускать в страну иммигрантов и каких именно. Данные ESS показывают, что далеко не все население согласно принимать даже тех иммигрантов, которые принадлежат к той же расе и национальности, что и большинство жителей страны.

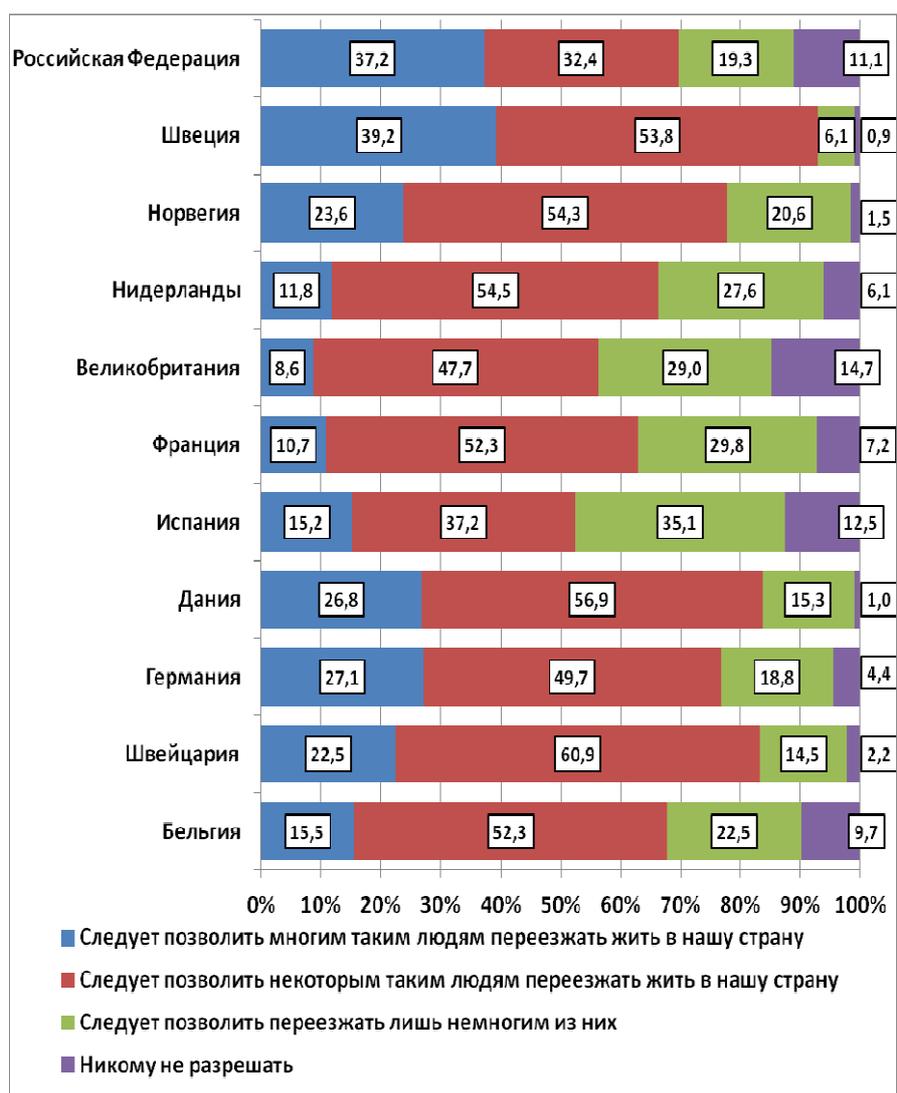

Рис. 1. Ответы на вопрос: «Следует ли позволить людям той же расы или национальности, что и большинство населения нашего государства, переезжать жить в нашу страну?». Рассчитано по базе данных ESS-2010.

Примечание: данные относятся к России и 10 европейским странам, в которых проживает наибольшее число иммигрантов из неевропейских стран. Показатели рассчитаны по отношению к числу респондентов, которые сами родились в стране, где сейчас живут, и у которых оба родителя также являются ее уроженцами.

В частности, лишь 37% российских респондентов считают, что следует допускать в Россию много русских из других государств. Правда, по данному показателю Россия уступает, причем лишь на 2% только Швеции, где 39% респондентов считают, что страна должна быть открыта для многих шведов, желающих вернуться на родину (интересно, откуда?). Но в этом случае, разница между Россией и Швецией очень мала и, с учетом численности опрошенных, не значима, то есть, находится в рамках статистической погрешности данных выборочного исследования.

Жители других девяти европейских стран, в которых много иммигрантов из Азии и Африки, гораздо реже, чем россияне, соглашаются принимать даже своих соотечественников, если их численность окажется значительной.

В Германии соответствующий показатель составляет 29% (речь идет главным образом об отношении к репатриации российских немцев на родину своих предков). Еще реже англичане соглашаются принимать значительное количество англичан (11%), а французы – большие массы французов (12%).

32% россиян полагают, что следует принимать лишь некоторых русских репатриантов, 19% считают, что ворота страны должны быть открыты только для немногих соотечественников, а 11% полагают, что нельзя принимать никого из них. Для сравнения можно указать, что 13% англичан и 12% испанцев не желают пускать к себе на родину никого из иммигрантов или репатриантов своих национальностей. В других европейских странах эти показатели ниже, чем в России.

Неприязнь к иммигрантам не всегда связана с расовыми, национальными (этническими), языковыми или религиозными различиями. Многие люди считают, что иммигранты и даже внутренние мигранты, то есть выходцы из других регионов той же страны, угрожают их благополучию.

Для того чтобы уехать в другой город, и, тем более, в другую страну, надо быть готовым надолго расстаться с родителями, друзьями и родственниками, жить среди чужих людей, начинать жизнь «с нуля», не гнушаться тяжелой, низко оплачиваемой (по местным представлениям) и не престижной работы, от которой отказываются коренные жители, а также смириться с негативным отношением к себе, как к «чужаку». Беженцем, который спасается от войны, может стать любой, мигрантом – далеко не каждый. Люди, с «оседлым» складом характера, не склонные к переездам, нередко весьма негативно относятся к психологически чуждым для них мигрантам-«кочевникам».

Те из мигрантов, особенно молодых, которые приехали на новое место без семьи, или вообще не имеют ее, оказываются вне социального контроля со стороны супругов, родителей и родственников. Нередко бесконтрольность поведения приводит к пьянству, наркомании, беспорядочным половым связям. В большинстве случаев мигранты, особенно сразу после приезда, имеют низкий социальный статус, но далеко не все из них готовы с этим мириться. По местным стандартам, они зарабатывают немного, хотя и заметно больше, чем там, откуда приехали. К тому же большую часть заработков приходится отсылать семьям, оставшимся на родине. Но они хотят жить не хуже, чем местные уроженцы. Стремление как можно скорее сравняться с коренными жителями, а то и превзойти их по уровню благосостояния толкает некоторых из мигрантов к воровству, грабежам, торговле наркотиками и другим преступлениям. Правда, уровень преступности среди мигрантов не всегда выше, чем среди местных уроженцев населения, но оно (нередко с подачи средств массовой информации, поскольку среди журналистов почти нет иммигрантов из-за недостаточного знания языка и низкого социального статуса) обращает на преступления приезжих намного больше внимания, чем на такие же преступления коренных жителей.

Некоторые из приехавших женщин, чтобы быстрее заработать большие деньги, занимаются проституцией. В своих родных городах и деревнях они не могли бы так поступать: там существует социальный контроль со стороны семьи и соседей, и нет анонимности жизни в чужом большом городе. Среди коренного населения распространено мнение о том, что, из-за приезда мигрантов растет конкуренция на рынке труда, а это понижает уровень его оплаты и повышает уровень безработицы. Кроме того, наплыв мигрантов увеличивает спрос, и, соответственно, цены на жилье. Из-за этого и для местных жителей, которые хотят жить отдельно от родителей, (особенно после вступления в брак) снять квартиру становится труднее и обходится дороже. Поэтому уже в советское время коренные москвичи недолюбливали «лимитчиков» (Синельников, 2009).

При этом, местные жители не замечают, что мигранты строят дома, асфальтируют дороги, подметают дворы. Многие из них забывают и о том, что когда-то сами были мигрантами или родились в семьях мигрантов. Все эти проблемы резко обостряются, если мигранты отличаются от основной массы местного населения по расе, национальности, языку и (или) религии.

В России число людей, готовых принять многих иммигрантов других рас и национальностей, составляет лишь 13%, что почти в три раза меньше числа тех, которые согласны на таких же условиях принять русских иммигрантов и репатриантов (37%). В то же время 22% считают, что иммигрантов других рас и национальностей вообще не следует принимать. Этот самый высокий показатель из 11 стран, где проживает много инокультурных иммигрантов. Лишь 12% российских респондентов согласны на

массовый въезд в свою страну иммигрантов из бедных неевропейских стран, 24% считают, что можно принять лишь некоторых из них, 33% – что число этих людей должно быть незначительным, а 32% вообще не хотят допускать в Россию никого из этой категории иммигрантов¹. Последний показатель является самым высоким среди 11 европейских стран, в которых проживают большие массы инокультурных иммигрантов.

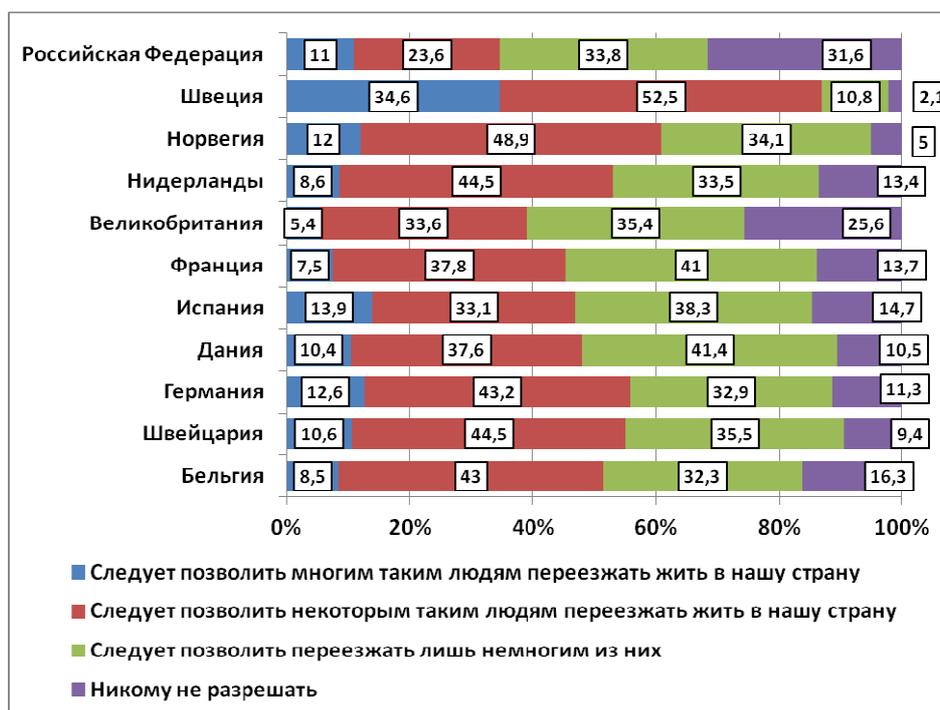

Рис. 2. Ответы на вопрос: «А если говорить о людях из более бедных стран за пределами Европы?». Рассчитано по базе данных ESS-2010.

Негативное отношение россиян к иммиграции подтверждается и данными опроса ВЦИОМ (Всероссийского центра изучения общественного мнения), проведенного в 2009 г.

¹ См. также анализ более ранних данных 3-го раунда ESS за 2006 г. – Дробижева Л.М., Арутюнова Е.М. Национально-гражданская идентичность и межэтническая толерантность // Россия в Европе: по материалам международного социологического проекта «Европейское социальное исследование». Под общ. ред. А. В. Андреевской и Л. А. Беляевой. М.: Academia, 2009. С. 194-224.

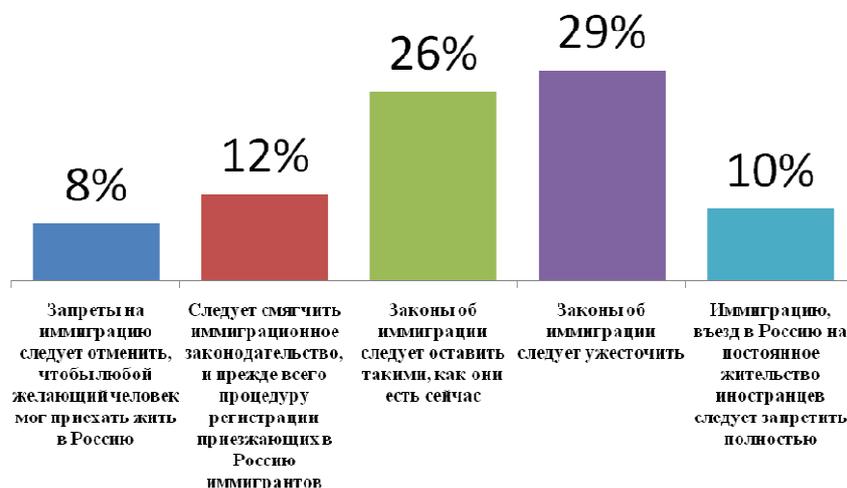

Рис. 3. Ответы на вопрос: «Какое из суждений о порядке иммиграции (въезда в страну) в Россию точнее отражает ваше мнение по этому вопросу?». Данные опроса ВЦИОМ, 2009 г. (1600 респондентов). http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=624&q_id=45057&date=17.10.2009

Лишь 8% респондентов считают, что «запреты на иммиграцию следует отменить, чтобы любой желающий человек мог приехать жить в Россию». Это только на 4% меньше, чем по данным Европейского социального исследования, согласно которым 12% россиян согласны на прибытие в свою страну многих людей из самой нежелательной категории иммигрантов, то есть, выходцев из бедных неевропейских стран. Разница объяснима: принять многих не значит принять всех желающих. Еще 12% полагают, что «следует смягчить иммиграционное законодательство, и прежде всего процедуру регистрации приезжающих в Россию иммигрантов». 26% участников этого опроса убеждены в том, что «законы об иммиграции следует оставить такими, как они есть сейчас». По мнению 29% респондентов «законы об иммиграции следует ужесточить», а 10% полагают, что «иммиграцию, въезд в Россию на постоянное жительство иностранцев следует запретить полностью».

Последний показатель очень близок к данным Европейского социального исследования, согласно которым 11% россиян считают, что въезд в Россию на постоянное место жительства должен быть запрещен даже для русских жителей других государств. Это лишь на 1% отличается от данных ВЦИОМ: различие не выходит за рамки статистической погрешности.

Доля респондентов, которые считают, что ограничения на иммиграцию должны быть смягчены или вообще отменены (20%) в два раза меньше доли тех, кто считает, что эти ограничения должны быть ужесточены или что иммиграцию следует полностью запретить (39%).

По данным опроса ВЦИОМ, проведенного летом 2013 г., отношение россиян к иммигрантам, по сравнению с результатами предыдущих опросов, явно ухудшилось. За полную отмену или смягчение ограничений на въезд в страну высказалось лишь 11% респондентов (почти вдвое меньше, чем в 2009 г.), а за ужесточение правил въезда или даже за полный запрет иммиграции – 63%² (в полтора с лишним раза больше, чем в 2009 г.).

Данные ESS позволяют выяснить, в какой степени сами иммигранты чувствуют неприязнь к себе со стороны коренных жителей. В анкете ESS есть вопросы о том, считает ли респондент, что принадлежит к группе населения, которая дискриминируется по тем или иным основаниям.

Отвечая на этот вопрос, респондент мог отметить одновременно несколько оснований для дискриминации. Иммигранты, их дети и внуки рассматривают себя как представителей дискриминируемой в стране группы, если указывают в анкете, как минимум, одно из пяти оснований (раса [цвет кожи], гражданство, религия, язык, национальная (этническая) принадлежность). Некоторые из них не считают, что их самих дискриминируют, но убеждены, что группа в целом дискриминируется. Все приводимые ниже показатели частоты дискриминации относятся к *групповой* дискриминации.

В любой стране отношение к иммигрантам зависит от того, из какой страны они прибыли и можно ли считать их «инокультурными». Покажем это на примере польских и турецких иммигрантов в Германии.

Для получения более надежных показателей были суммированы данные 2-го, 3-го, 4-го и 5-го раундов ESS по Германии (в анкете 1-го раунда, проведенного в 2002 г., не было вопросов о том, в какой стране родились отец и мать респондента). С 2004 по 2010 гг. анкеты ESS заполнили 150 человек, которые родились в Польше, но на момент опроса жили в Германии. Из них считали себя представителями дискриминируемой группы только 13 респондентов (9%). Это – весьма низкий показатель. Среди 105 человек, у которых отцы родились в Польше, но сами они появились на свет в Германии, лишь два респондента относили себя к дискриминируемым группам населения (2%).

С учетом величины данных показателей и групп респондентов, в % к численности которых они были рассчитаны, t-критерий Стьюдента, то есть, показатель достоверности различий между ними, равен 2,55. Это означает, что с гарантией на 99% можно быть уверенным в том, что дети польских иммигрантов в Германии дискриминируются реже, чем сами иммигранты.

² Рассчитано по: Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2366 от 07.08.2013 [“Электронный ресурс” [Официальный сайт ВЦИОМ – Всероссийского центра изучения общественного мнения]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114341>.

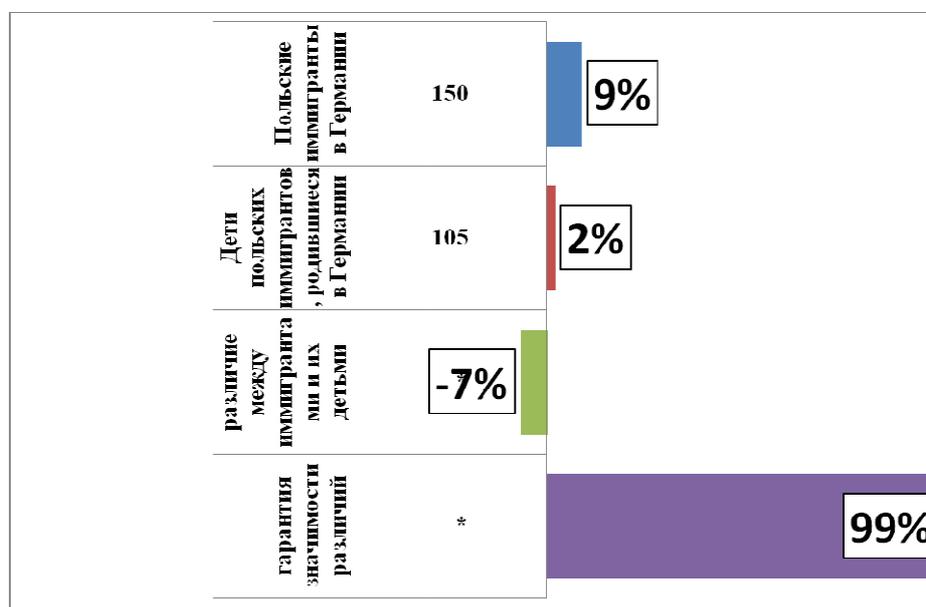

Рис. 4. Уровень дискриминации польских иммигрантов и их детей в Германии. Рассчитано по суммарным данным ESS 2004-2010 гг.

Речь идет не об «отцах» и «детях» в буквальном смысле, а о первом и втором поколениях иммигрантов. В каждой семье опрашивался один из ее членов не моложе 15 лет. Термин «дети иммигрантов» означает, что респонденты уже не дети, но родились в этой стране в семьях иммигрантов.

Даже представители первого поколения иммигрантов редко подвергаются дискриминации, вероятно, лишь в период адаптации к условиям жизни на новом месте. Для их детей, которые родились и выросли в этой стране, проблемы адаптации уже не существует и они дискриминируются лишь в единичных случаях. Эта ситуация соответствует теории «плавильного котла», которая до сих пор вполне адекватна для иммигрантов из одних стран европейской христианской культуры в другие страны той же культуры.

В ином положении находятся турецкие иммигранты. Хотя Турция, в отличие от Польши, никогда не воевала с Германией, а турецкая иммиграция в эту страну началась еще в 1950-х годах, турки, в отличие от поляков, до сих пор остаются в этой стране «инородным телом».

Среди 126 опрошенных турецких иммигрантов в Германии 30% считают себя дискриминируемой группой. Это – в три с лишним раза больше, чем у поляков. Однако важнее другое. Среди детей, чьи отцы – выходцы из Турции (81 человек), на дискриминацию жалуются 32%, то есть, даже несколько больше, чем представители первого поколения иммигрантов. Правда, разница между родителями и детьми очень мала (2%) и статистически не значима ($t = 0,3$). Гарантия достоверности различий составляет лишь 23%.

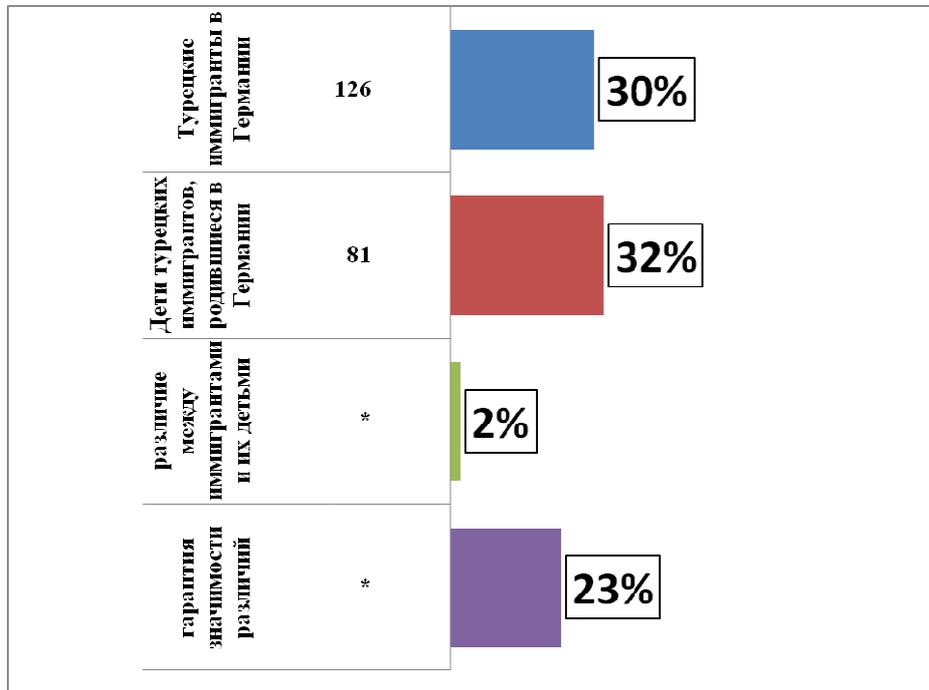

Рис. 5. Уровень дискриминации турецких иммигрантов и их детей в Германии. Рассчитано по суммарным данным ESS за 2004-2010 гг.

Отсюда следует вывод, что дети выходцев из Турции подвергаются в Германии дискриминации так же часто, как и их родители. Длительное проживание в Германии и даже рождение в этой стране и получение образования в немецких школах не ставит турок в равное положение с немцами. Причины дискриминации состоят не только в трудностях адаптации к новым условиям на первых порах жизни в стране, но и в культурно-религиозных различиях. А ведь Турция – самая европейская из всех исламских стран. Она тесно связана с Европой по всей своей истории и долго добивалась приема в Евросоюз.

Среди проживающих во Франции выходцев из Алжира (111 респондентов) 15% считают, что принадлежат к дискриминируемой группе населения. Среди 127 респондентов, родившихся во Франции, отцы которых были уроженцами Алжира, данного мнения придерживаются уже 23%, то есть, в полтора раза больше. Различие между этими показателями составляет 8%.

Принято считать статистически значимыми различия при $t > 2$, что соответствует гарантии достоверности различий не менее, чем на 95%. В данном случае $t = 1,48$, что соответствует гарантии достоверности различий на 86%. Представляется, что такая гарантия достаточно высока и отражает реальную ситуацию: дети алжирских иммигрантов, которых во Франции очень много, сильнее ощущают дискриминацию, чем их роди-

тели, хотя, согласно теории «плавильного котла», ситуация должна быть противоположной.

Среди иммигрантов из Марокко считают себя дискриминируемой группой 22%, а среди их детей эта цифра на 2% меньше и составляет 20%. Однако разница между этими двумя показателями невелика, $t = 0,32$, и статистически не значима. Отцы и дети дискриминируются одинаково часто.

В Великобритании среди респондентов-выходцев из Пакистана считают себя дискриминируемой группой 19%, а среди их детей – 36%, то есть, почти вдвое больше. Разница составляет 17%, при $t = 1,80$. Гарантия достоверности различия достигает 92%. Маловероятно, что такое большое различие носит случайный характер.

Сходное положение дел наблюдается и среди живущих в стране выходцев из Индии. 17% в первом поколении иммигрантов жалуются на дискриминацию своей группы, однако во втором поколении этот показатель достигает 27%. Различие между поколениями – 10%, критерий $t = 1,38$, гарантия достоверности различия составляет 83%, то есть, оно, скорее всего, не случайно.

В России, чтобы сформировать достаточно большие группы респондентов пришлось объединить данные по выходцам из всей Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Кыргызстан), а также из Азербайджана.

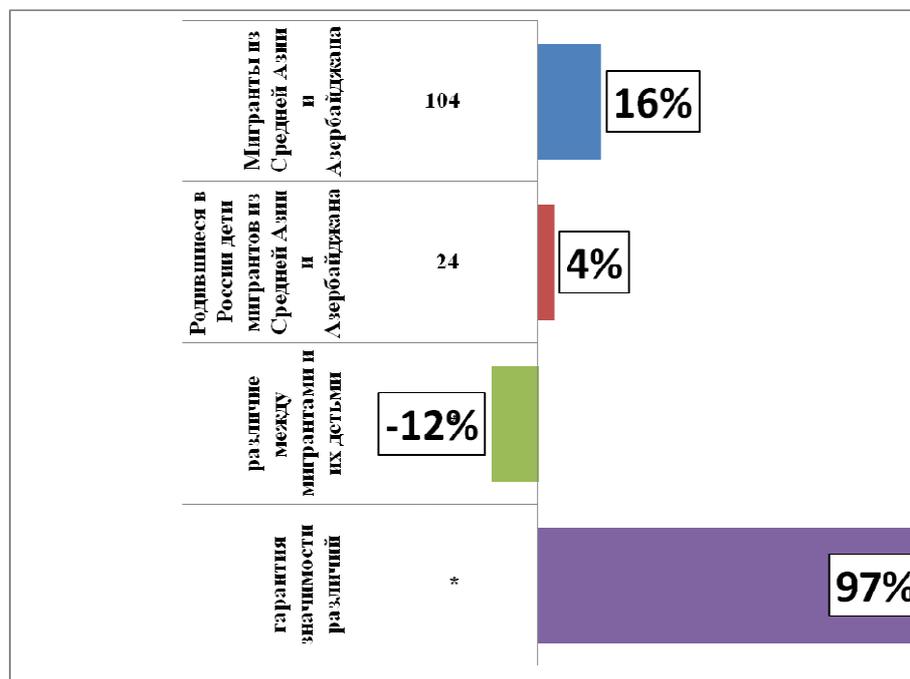

Рис. 6. Уровень дискриминации мигрантов из Средней Азии и Азербайджана и их детей в Российской Федерации. Рассчитано по суммарным данным ESS 2006-2010 гг.

Всего их оказалось 104 человека, из которых 17 респондентов, то есть, 16%, считали себя представителями дискриминируемой группы населения. Среди 24 человек, которые родились уже в самой России, но чьи отцы были выходцами из этих стран, лишь один респондент (4%) относил себя к данной группе. Малочисленность второго поколения по сравнению с первым может объясняться тем, что многие люди, приезжающие по торговым делам из Азербайджана, и особенно гастарбайтеры из Средней Азии, не берут с собой семьи. Если же они приезжают с женами и детьми, то эти дети родились не в России. Те из их детей, которые родились на российской территории, как правило, еще не достигли 15 лет и не заполняли анкеты ESS. Различие показателей оказалось достаточно большим (–12%), то есть, дети мигрантов жалуются на дискриминацию в четыре раза реже, чем их родители. Многие из них прибыли в Россию до распада СССР и не воспринимались коренным населением, как иностранцы. Критерий $t = 2,20$. Гарантия достоверности различия составляет 97%, то есть, различие не случайно. Хотя в данном случае речь идет о выходцах из мусульманских регионов, их положение в России больше похоже на положение польских иммигрантов в Германии, чем на положение турецких иммигрантов в той же стране, алжирских и марокканских иммигрантов во Франции, индийских и пакистанских иммигрантов в Великобритании. Правда, следует иметь в виду, что далеко не все выходцы из Средней Азии и Азербайджана принадлежат к коренным национальностям этих государств.

В России с дискриминацией сталкиваются главным образом представители первого поколения мигрантов, а второе поколение испытывает ее на себе лишь в относительно редких случаях. Правда, это относится к выходцам из стран «ближнего зарубежья». Среди респондентов ESS в России оказалось слишком мало китайцев, афганцев, африканцев и представителей других народов «дальнего зарубежья», чтобы можно было рассчитать для них статистически значимые показатели.

Среди мигрантов из Азербайджана и Средней Азии много представителей русскоязычного населения, которым после распада СССР пришлось уехать в Россию. Отношение к ним, как и в странах Западной Европы, более толерантное, чем к неевропейским народам. Это показывают данные о разных поколениях мусульман и немусульман, живущих в тех или иных странах. При этом к первому поколению относятся респонденты, которые родились за границей (то есть, сами иммигранты); ко второму поколению – респонденты, которые родились в стране, где они сейчас живут, но у кого отцы и (или) матери – иммигранты; к третьему и последующим поколениям – родившиеся в стране респонденты, оба родителя которых тоже были ее уроженцами.

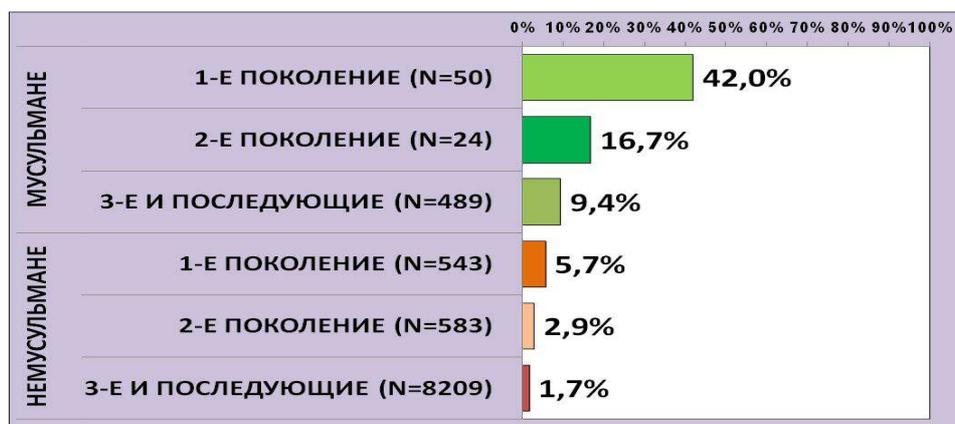

Рис. 7. Доля лиц, считающих себя дискриминируемой группой, в зависимости от религиозных убеждений и числа поколений жизни в стране. Суммарные данные ESS-2006, ESS-2008, ESS-2010 и ESS-2012 по Российской Федерации.

Примечание: Анализ данных по России и странам Западной Европы (см. рис. 8) не показал существенных различий по частоте дискриминации между неверующими, христианами разных конфессий и представителями других религий (кроме ислама). Поэтому по религиозным убеждениям респонденты разделены только на две группы: мусульман и не мусульман.

По суммарным данным 3-го, 4-го, 5-го и 6-го раундов ESS из 50 респондентов-мусульман, которые родились за границей, считали себя дискриминируемой группой населения 21 человек, то есть, 42% от общего их числа. Среди родившихся в России мусульманских респондентов, отцы и(или) матери которых не были уроженцами нашей страны (таких оказалось 24 человека, причем у 16 (66,7%) из них один из родителей – уроженец России), лишь четыре респондента (16,7%) относили себя к дискриминируемым группам населения. Из 489 мусульман, которые являются коренными жителями России в третьем и последующих поколениях лишь 46 человек (9,4%) указали на дискриминацию своей группы.

Разница между первым и вторым поколениями (– 25,3%) статистически значима. Критерий Стьюдента $t = 2,41$, что значительно превышает принятый в социологии порог для этого показателя ($t \geq 2$). Доверительный уровень $P = 0,982$ тоже заметно больше порогового значения $P \geq 0,95$. То есть, при данной численности сравниваемых групп респондентов можно с гарантией свыше 98% быть уверенными в том, что различие показателей между ними не случайно.

В России дискриминацию чувствуют на себе главным образом мусульмане-иммигранты. Представители же коренных мусульманских народов Российской Федерации сталкиваются с негативным отношением к себе в четыре раза реже, чем их единоверцы, прибывшие из Азербайджана, Уз-

бекистана, Таджикистана, Туркменистана и других мусульманских стран. Правда, отношение к чеченцам отличается от отношения к татарам, но по данным ESS такой детальный анализ вряд ли возможен, да и сам этот вопрос относится к проблеме внутренней, а не внешней миграции.

Иначе обстоит дело в странах Западной Европы. Если суммировать данные 1-го, 2-го, 3-го, 4-го, 5-го и 6-го раундов ESS по 15 государствам этого региона, то ситуация выглядит следующим образом. В первом поколении европейских мусульман (то есть, среди иммигрантов) 28,5% считают себя дискриминируемой группой населения, а во втором поколении – уже 35,5%, то есть, на 7% больше. Это различие статистически значимо. Родившиеся и выросшие в Западной Европе дети иммигрантов интегрированы в европейское общество еще меньше, чем их родители, и, соответственно, больше страдают от дискриминации.

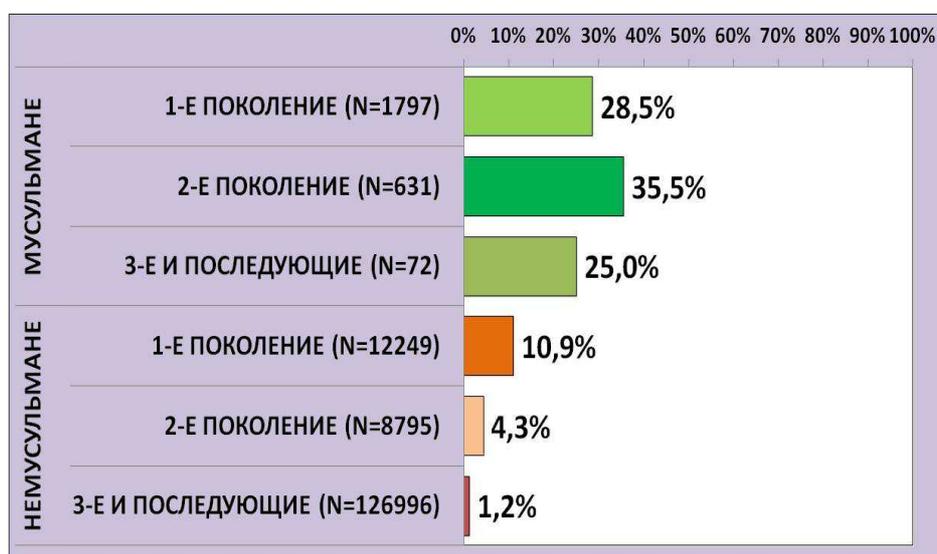

Рис. 8. Доля лиц, считающих себя дискриминируемой группой в зависимости от религиозных убеждений и числа поколений жизни в стране. Суммарные данные ESS-2002, ESS-2004, ESS-2006, ESS-2008, ESS-2010 и ESS-2012 по 15 странам Западной Европы.

Примечание: Данные по Италии за 2002 г. (за 2004-2010 гг. данных нет, за 2012 г. – есть, но к настоящему времени еще не опубликованы для онлайн-анализа на сайте ESS), по Австрии за 2002-2006 г. (в 2008 и 2010 г. страна не принимала участие в исследовании, в 2012 г. принимала, но данные еще не опубликованы), по Великобритании – за 2002, 2008, 2010 и 2012 гг. (в 2004 и 2006 г. в анкете ESS для этой страны не было вопроса о вероисповедании, по Франции – за 2006, 2008 и 2010 гг. (в анкетах 2002 и 2004 гг. не было вопроса о религии, данные за 2012 г. пока что не появились на сайте ESS), а также по Ирландии, Бельгии, Нидерландам, Швей-

царии, Германии, Дании, Швеции, Финляндии, Норвегии, Испании и Португалии, – за 2002, 2004, 2006, 2008, 2010 и 2012 годы).

Правда, в третьем и последующих поколениях частота групповой дискриминации снижается и составляет «всего лишь» 25%. Это на 10,5% меньше, чем в первом поколении. Различие статистически значимо.

Но различие в частоте групповой дискриминации между первым и третьим поколениями невелико. Оно составляет лишь 3,5%. С учетом небольшой численности третьего поколения европейских мусульман эта разница статистически незначима, то есть внуки иммигрантов-мусульман ощущают дискриминацию примерно так же часто, как и сами иммигранты.

Ситуация, когда более трети среди детей и четверть среди внуков иммигрантов считают, что окружающее население дискриминирует их (точнее, их группу) как «инородное тело», не может считаться нормальной. Согласно теории «плавильного котла» дети, и, тем более внуки иммигрантов становятся частью коренного населения. Однако далеко не все коренное население стран Западной Европы согласно с этим. Во всяком случае, тогда, когда речь идет о детях и внуках выходцев из исламского мира.

Во втором поколении мусульманских респондентов, живущих в странах Западной Европы (631 человек) лишь у 78 (12,4%) один из родителей не был иммигрантом. Это в пять с половиной раз меньше, чем в России (66,7%).

Мусульмане-иммигранты из стран ближнего и дальнего зарубежья, как правило, приезжают в Россию на работу или на учебу в молодом возрасте. Многие (если не большинство) из них еще не женаты. Обычно они селятся не в мусульманских регионах страны (республики Северного Кавказа, Татарстан, Башкортостан), а в Москве, Санкт-Петербурге и других больших городах центральной части Европейской России, где много рабочих мест и высших учебных заведений. Там они и вступают в брак – чаще всего с русскими и представителями других немусульманских народов.

В Западную Европу мусульмане чаще всего переселяются целыми семьями, либо приезжает кто-то один, а потом вызывает к себе семью. Очень многие из них живут в иммигрантских кварталах, в брак вступают друг с другом и образуют замкнутые (хотя и не на 100%) общины. Число смешанных семей невелико.

Можно было ожидать, что дети из смешанных семей лучше интегрируются в общество и меньше ощущают дискриминацию, чем дети, у которых оба родителя – иммигранты. Однако анализ данных показал, что в Западной Европе «смягчающая» роль фактора смешанного происхождения невелика. Правда, следует иметь в виду, что речь идет не обо всех детях мусульманских иммигрантов, а только о тех из них, которые тоже исповедуют ислам. В смешанных семьях так бывает далеко не всегда. Например, в Германии, по суммарным данным ESS за 2004, 2006, 2008, 2010 и 2012

гг., среди уроженцев этой страны, у которых один из родителей родился в Турции, а другой – в Германии или какой-либо третьей стране, лишь 50% были мусульманами. Для сравнения можно указать, что среди детей, у которых оба родителя – турецкие иммигранты, мусульмане составляли 78%, а среди самих турецких иммигрантов – 77%, остальные же главным образом неверующие.

Среди мусульманских уроженцев западноевропейских стран, у которых оба родителя являются иммигрантами, частота групповой дискриминации составляет 36,3%, а среди тех, у кого лишь один из родителей – иммигрант – 29,5%. Различие между этими двумя группами сравнительно невелико (6,8%) и не выдерживает проверку на статистическую значимость ($t = 1,23$, $P = 0,78$).

В России соответствующие группы мусульманских респондентов второго поколения слишком малочисленны (8 человек, у которых оба родителя были иммигрантами и 16 человек, у которых лишь один из родителей – иммигрант) чтобы сравнивать их между собой по частоте дискриминации.

Третье поколение мусульманских жителей Западной Европы подвергается дискриминации почти в два с половиной раза чаще, чем первое поколение иммигрантов, которые не исповедуют ислам (25% против 10,9%). Если же рассматривать ситуацию в рамках одного и того же поколения, то и в первом, и во втором, и в третьем поколении частота групповой дискриминации у мусульман многократно больше, чем у немусульман, причем все эти различия статистически значимы.

В первом поколении немусульманских жителей 15 стран Западной Европы (то есть, иммигрантов) считают себя дискриминируемой группой населения 10,9%, во втором – 4,3%, в третьем и последующих поколениях – лишь 1,2%. Это полностью соответствует теории «плавильного котла».

Мусульмане-иммигранты первого поколения в России считают себя дискриминируемой группой примерно в полтора раза чаще, чем в Западной Европе (42,0% против 28,5%). Разница между этими двумя показателями достаточно велика (15,5%) и статистически значима.

Однако во втором поколении результаты сравнения оказываются диаметрально противоположными. В России частота групповой дискриминации составляет 16,7%, то есть, в два с лишним раза меньше, чем в Западной Европе (35,5%). Различие между показателями составляет 18,8%, а его статистическая достоверность не вызывает никаких сомнений.

Мусульмане, принадлежащие к жителям России в третьем и последующих поколениях, также испытывают на себе дискриминацию в два с половиной раза реже, чем их западноевропейские единоверцы из тех же поколений жизни в соответствующих странах (9,4% против 25%).

Заметные различия по частоте групповой дискриминации между Россией и Западной Европой существуют и для тех иммигрантов, которые не являются мусульманами.

В России представители первого поколения немусульманских иммигрантов ощущают дискриминацию вдвое реже, чем соответствующая группа респондентов в Западной Европе (5,7% против 10,9%). С учетом численности сравниваемых групп респондентов, относительно статистической значимости различия между этими показателями (5,3%) не может быть никаких сомнений. Во втором поколении, то есть, среди детей иммигрантов, частота групповой дискриминации в России тоже ниже, чем в Западной Европе (2,9% против 4,3%).

В третьем и последующих поколениях частота дискриминации в России несколько превышает соответствующий показатель для стран Западной Европы (1,7% против 1,2%), но оба показателя настолько малы, что можно и не обращать внимания на ничтожное различие между ними (0,5%).

Следует иметь в виду, что в третьем и последующие поколения мусульман входят также этнические англичане, французы, немцы и другие европейцы, перешедшие в ислам, чаще всего при вступлении в смешанные браки.

Разумеется, дети от смешанных браков лучше интегрируются в европейское общество, чем дети, у которых оба родителя – иммигранты. Коренные европейцы, которые в прошлом были христианами или вообще не были верующими, но приняли ислам ради своих супругов-иммигрантов, не становятся от этого иммигрантами и вряд ли подвергаются дискриминации по тем причинам, по каким ее испытывают на себе их мужья и жены.

В анкете нет вопросов, позволяющих при разработке данных выделить внуков иммигрантов-мусульман в «чистом виде», без коренных европейцев, принявших ислам. Если бы это удалось, то показатель дискриминации для поколения внуков, скорее всего, оказался бы выше, чем для группы «третьего и последующих поколений мусульман» в том виде, в каком ее удалось сформировать при работе с анкетным массивом.

Тем не менее, уровень дискриминации для третьего поколения лишь на 3,5% ниже, чем для первого. Это различие статистически не значимо. Третье поколение иммигрантов находится в лучшем положении по сравнению со вторым, но в примерно одинаковом положении по сравнению с первым поколением иммигрантов. Это не соответствует теории «плавильного котла».

Поскольку для ответов на вопросы анкеты ESS требуется достаточно хорошо знать язык страны проживания, эти цифры могут преуменьшать уровень дискриминации иммигрантов. Наименее интегрированные из них просто не в состоянии ответить на 500 с лишним вопросов анкеты ESS. Тем не менее, результаты опроса показывают, что данный уровень достаточно высок, а дети и даже внуки иммигрантов сталкиваются с дискриминацией не реже, чем сами иммигранты.

Принимая решение о переезде в другие страны, иммигранты всегда знали от ранее поселившихся там друзей и родственников, что их ожидает

тяжелая работа и не слишком любезный прием со стороны местного населения и были к этому морально готовы. Способность смириться с отношением к себе, как к человеку второго сорта, и считать подобное положение дел *нормальным*, по крайней мере, для первого этапа жизни в чужой стране, – это неотъемлемая часть иммигрантской психологии, равно как и готовность заниматься тяжелыми и не престижными видами труда, от которых отказывается коренное население.

Для иммигрантов подобные минусы жизни на новом месте перевешиваются самим фактом переезда в Россию из среднеазиатских государств, в Германию – из Турции, во Францию – из Алжира и Марокко, в Англию – из Индии и Пакистана.

Но такие психологические черты далеко не всегда наследуются детьми и внуками. Они выросли уже в той стране, где сейчас живут, учились или продолжают учиться в местных школах, хорошо знают местный язык. Они сравнивают себя по материальному положению не с родственниками, оставшихся на далекой родине их отцов и дедов, а со своими знакомыми из числа коренного населения, и видят, что живут намного хуже последних. Многие из них считают свою бедность и низкий социальный статус результатом дискриминации. Такая логика рассуждений часто встречается у детей и внуков выходцев из неевропейских (в первую очередь – мусульманских) стран. Они интегрируются в общество намного труднее, чем дети и внуки иммигрантов, переселившихся из Восточной Европы в Западную.

Многие из местных жителей смотрят на иммигрантов и даже на внутренних мигрантов, как на людей с заведомо низким социальным статусом. Но отношение к иммигрантам из своей национальности (и близких к ней народов) и, тем более, к их детям, смягчается по мере их интеграции. Статус же инокультурных иммигрантов, особенно из мусульманских стран, является не только пожизненным, но и наследственным. В Западной Европе дискриминации подвергаются их дети, и даже внуки. В России в данном отношении, ситуация не столь острая, поскольку для нашей страны не характерны иммигрантские гетто. Однако и в России, и в Западной Европе инокультурная иммиграция создает больше проблем, чем решает (Синельников, 2012а; Синельников, 2012б).

Список литературы

- Алиев М. (2011). В Азербайджане за принуждение женщины вступить в брак установлена уголовная ответственность // Trend. 15 ноября 2011. <http://www.trend.az/news/society/1957495.html>.
- Малахов, В. (2012). Мультикультурализм в Западной Европе: по ту сторону риторики. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1155.

- Рахимов Азамат (2012). Берн против браков по принуждению // Швейцарские новости на русском. Каждый день. Берн, 05.03.2012. <http://www.nashgazeta.ch/news/13056>.
- Ремизов Д. (2012). Добровольный шариат // Росбалт, 11/03/2012. <http://www.gosbalt.ru/federal/2012/03/11/955801.html>.
- Синельников А. Б. (2009). Что более приемлемо для населения: стимулирование рождаемости или приток иммигрантов // Демографические исследования. Отв. ред. проф. А. И. Антонов. М.: КДУ.
- Синельников А. Б. (2012а). Три поколения в семьях иммигрантов: Россия и Западная Европа // Социология. № 2. С. 42-65.
- Синельников А. Б. (2012б). Могут ли иммигранты и их потомки стать большинством в России и Западной Европе? // Социология. № 4. С. 3-18.